

Хмурый лейтенант

Геннадий Семенихин

SHOUT **IT**
SHARE

- Семенихин Геннадий

Семенихин Геннадий

Хмурый лейтенант

Геннадий Александрович Семенихин

Хмурый лейтенант

Хмурый лейтенант - так прозвали в нашем полку нового летчика Ярового, и прозвище это лучше всего соответствовало его характеру. Редко кто видел улыбку на его резко очерченных губах. Даже в минуты короткого отдыха, наступавшего после напряженного боевого дня, гда каждому хотелось как-то рассеяться, побренчать на гитаре или посидеть за домино, Яровой усаживался гдеабудь в дальнем углу землянки и, обхватив колени руками, медленно посасывал маленькую черную трубочку, зучастно наблюдая за происходящим.

- Почему он такой? - часто задавали себэ вопрос летчики нашего полка и не находили ответа.

Да, он был очень странным, этот высокий, нескладный в движениях лейтенант Яровой. В свои неполные двадцать семь лет, он казался многое повидавшим человеком кое, всегда гладко выбритое лицо было прорезано глубокими морщинами, а глаза, спокойные, холодные, светло-голубые, смотрели так, как смотрят на мпр глаза товека, прожившего долгую жизнь. Он появился в нашем полку совершенно неожиданно, в самый равгар тяжелых оборонительных боев но подмосковных полях.

Каждый день полк нес потери. Часто бывало, что вместо четверти "Ильюшиных" обратно возвращалась лишь пара, а два других самолета оставались на месте вынужденной посадки. Гибель каждой машины с болью переживал весь летный состав нашего полка. Но во сто крат было больнее, когда мы узнавали, что вместе г машиной, подожженной снарядам зенитки пли пушечной очередью с "мессершмитта", за линией фронта погибали друзья.

С утра и до ночи гудела земля от близкой артиллерийской канонады. Фашисты прорвали линию фронта и приблизились к аэродрому. Их танки вели бои в пятна"

дцати километрах от него. И вот тогда-то последовал приказ перебазироваться на восток. Горбатые, окрашенные в грязно-зеленый цвет поздней осени ИЛы уже были подготовлены техниками к взлету, когда над аэродромом появился незнакомый штурмовик, отличавшийся от напшх самолетов красной окраской кока. Он выскочил как-то неожиданно из-за нахохлившихся пожухлых сосенок, столпившихся вокруг аэродрома, и, не делая

круга, с прямой зашел на посадку.

- Узнайте, кто это? - сердито спросил командир полка майор Черемыш, приготовившийся отдать приказание на перелет всем исправным машинам.

Минуты три спустя перед ним уже стоял незнакомый летчик в помятом кожаном реглане и, вытяну"

вдоль туловища длинные руки, устало докладывал:

- Я из дивизии полковника Сухоряба. Был на вынужденной. "Мессеры" перебили гидросистему, до своих не дотянул. Пришлось у танкистов подремонтировать.

Это и был лейтенант Яровой.

- Кто же вам её восстановил? - не без удивления спросил Черемыш, твердо знавший, что без авиационных техников такая операция неосуществима.

- Сам, - односложно ответил Яровой.

Брови у командира полка удивленно поползли вверх.

- Вы?

- Да, - неохотно повторил лейтенант и, вероятно, не желая вновь подвергаться расспросам, прибавил: - Я в прошлое авиационный техник.

- Так, так, - протянул майор Черемыш, - а вы знаете, где сейчас дивизия полковника Сухоряба? Она направлена в глубокий тыл за новой материальной частью. Небось не обедали? Пообедайте, а я за это время свяжусь со штабом и узнаю, куда вам лететь, чтобы найти своих. Черемыш ожидал, что Яровой, как и каждый человек, потрепанный первыми жестокими месяцами войны, облегченно вздохнет, узнав о том, что впереди его ожидает кратковременная передышка, поездка в тыл, возможно, свидание с родными и близкими, но незнакомый летчик продолжал так же сосредоточенно смотреть мимо командира светлыми немигающими глазами.

И только при упоминании о поездке в тыл на его лице нервно дернулся мускул.

- Товарищ командир, - произнес он, простуженно покашляв, - разрешите остаться у вас, в тыл не лететь. ИЛ у меня в порядке, на нем ещё можно повоевать.

Черемыш обескураженно пожал плечами: время было горячее, командир соединения требовал штурмовать, штурмовать и штурмовать.

- Хорошо, - неожиданно для всех прислушивавшихся к разговору согласился майор, - я вас зачисляю в первую эскадрилью, а в штаб сообщу, что впредь до уточнения будете воевать с нами.

Никакого уточнения не последовало, и Яровой остался в

полку. Вместе с нами он перелетел на новый аэродром. Ему отвели место на нижних нарах землянки, в самом дальнем углу. Рассыльный принес из вещевого склада новый матрас, и Яровой стал устраиваться, В бревенчатую стену землянки он вбил гвоздь, повесил на него реглан и кожаный шлем - все свое имущество, и скорее себе, чем соседям, наблюдавшим, как он устраивается, сказал:

- Вот и все. Жить можно. А главное - пужно.

Так он начал жить с нами. Он летал много, больше других. Если майор Черемыш вместе с начальником штаба брался за составление боевого расчета и на листок бумаги заносил фамилии летчиков, включавшихся в очередную пару или четверку, Яровой первым просил разрешение на вылет. И только в те недолгие минуты, когда командир полка повторял боевой приказ да ещё когда приходилось укладывать в планшет карту с прочерченным маршрутом, Яровой несколько оживлялся.

Как-то по-особенному блестели тогда его глаза.. Но не волнение и не испуг - злость появлялась в них. Лейтенант буквально выпрашивал у командира каждый лишний вылет, а когда возвращался на аэродром, снова становился мрачным и неразговорчивым.

- Задание выполнил, - докладывал он коротко.

Оружейники начинали производить послеполетный осмотр и не находили ни одного снаряда. Яровой старался расстрелять в полете весь боекомплект.

- Так нельзя, - оказал ему однажды майор Черемыш. - А если на обратном пути вас перехватят "мессеры", как будете отбиваться?

- Уйду на бреющем, сманеврирую.

- Я вам запрещаю расходовать весь боекомплект, - строго напомнил Черемыш.

- Есть, товарищ командир, - сухо согласился лейчик.

Но летать продолжал с тем же холодным азартом.

Даже в тех случаях, когда огонь фашистских зениток покрывал низкое октябрьское небо сплошной свинцовой завесой, он ухитрялся совершать по два, по три захода.

ИЛ-2, на котором летал Яровой, почти ежедневно возвращался с пробоинами, и рыжий вскудлаченный механик Зайченко так к этому привык, что, увидев идущий на посадку самолет лейтенанта, с добродушной улыбкой говорил товарищам:

- А ну, хлопцы, готовьте побилыпе латок. Це ж командир вертается и опять що тот гусак, якому вси перья повыщипывалы. Не разумею, чего вин хоче: смерти, чи що!

Так думал не один механик. Даже командир полка, летчик

опытный, любивший риск и тех, кто рискует, недоумевал, почему Яровой такой отчаянный. Командир часто говорил ему:

- Вы устали, вам нужно отдохнуть.

А Яровой лишь молча шевелил сухими обветренными губами, словно силился улыбнуться и не мог.

- Я ещё успею до темноты возвратиться, товарищ командир, разрешите ещё один полет на "свободную охоту".

И улета!л. И ему везло. Тридцать шесть штурмовок совершил лейтенант Яровой за какие-нибудь пятнадцать дней пребывания в нашем полку и ни разу не был сбит ни зенитками, ни "мессершмиттами". За это время он отыскал и взорвал два крупных нефтесклада, разбил эшелон.

Список подвигов Ярового рос быстро, и даже "старики" отдавали должное летному мастерству лейтенанта. Но для всех было неизвестно, что носит в своем сердце этот мрачноватый, неразговорчивый человек. Многие думали, что он попросту гордится, заносится и поотому избегает общения с окружающими летчиками, считая, что среди них не сможет найти себе равного. Может быть, поэтому к Яровому все относились с нескрываемым равнодушием, а если и хвалили его, то холодно и скупо, как мастера своего дела, но не как товарища, с которым приходится делить и место в землянке, и опасность в воздухе.

А Яровой продолжал летать и оставался все таким же замкнутым. После двадцатидневного пребывания Ярового в нашем полку командир решил его представить к ордену Красного Знамени. Ш, как назло, сутки спустя поело того, как штабной писарь Тесла заполнил наградной лист, Яровой не возвратился с задания.

Случилось это в холодный ветреный день, когда аэродром" затягивала белесая пелена тумана. Погода стояла нелетная но утром оперативный дежурный передал майору приказ командующего ВВС. Черемыш взял телефонограмму: "Цель восемь уничтожить к четырнадцати ноль-ноль". Под целью восемь значился по коду штаб немецкого корпуса, расположенный в деревне Озерки.

Черемыш посмотрел в окно. Дул сырой от дождя ветер, гнал черные тучи, и низкое небо, казалось, вот-вот должно рухнуть на землю.

- Не так легко уничтожить, - произнес майор, сердито кусая губы, попробуй полетай в такую погоду.

В землянке было тихо, даже удары дождя о стекло отчетливо слышались. Черемыш думал о том. что летчик которого он пошлет в такую погоду на штурмовку немецкого штаба, имеет мало шансов на то, чтобы вернуться Трудно пробиваться к цели,

когда впереди тебя горизонт каждую секунду грозит сомкнуться, сделать невидимой землю. Но ещё труднее без прикрытия истребителей одному атаковать цель с низкой высоты под огнем десятка зенитных батарей. В углу на деревянных нарах, тесно прижавшись друг к другу, спали летчики.

Один из них зашевелился и медленно сполз на пол. Черемыш увидел холодные светлые глаза.

- Яровой?

- Разрешите полет, товарищ командир.

Майор посмотрел на лейтенанта и внезапно рассердился "Ну почему он всегда выскакивает раньше других? Ведь есть же в нашем полку и более опытные штурмовики". Командир скомкал в руке телеграфный бланк, потом снова разгладил его, перечитал короткий текст: "Цель восемь уничтожить к четырнадцати нольноль".

Над самым ухом он услышал глухой от скрытого волнения голос лейтенанта:

- Я ещё вчера заметил признаки этого штаба под Озеркам. Мне будет легче его разыскать.

- Хорошо, готовьтесь, - согласился Черемыш, затем недружелюбно и ворчливо прибавил: - Честное слово, если бы не простудился вчера капитан Веденеев, его бы послал, а не вас.

Через несколько минут Яровой был готов. На этот раз командир сам вышел проводить его. Майор, посылая в опасный полет даже такого летчика, к которому не питал особенной симпатии, как-то менялся, оттаивал, становился необычно ласковым. Так случилось я в этот раз.

После того как все приготовления были закончены и Яровой уже застегивал шлемофон, Черемыш подошел к лейтенанту и потрепал его по плечу.

- Значит, летишь. - сказал он, переходя на "ты", - а погода, видишь, какая... высоту все время придется держать маленькую... ты к земле прижимайся, где можешь, а то зенитки у фашистов злые.

Слова "можешь и не вернуться" остались несказанными, но Яровой прочитал их в грустных глазах командира.

- Закурить разрешите? - спросил он.

- Покури, покури, - спохватился майор, - перед вылетом это полезло, в воздухе будешь спокойнее.

Командир протянул ему спичку и, обняв лейтенанта за плечи, вышел с ним из землянки.

- Ну ладно. Желаю удачи. Трогай.

Яровой ушел к машине. Черемыш стоял у входа без шапки, комкая в руках кожаные перчатки, смотрел вслед.

А вскоре майор увидел, как протащился по раскисшему полю аэродрома медлительный, тяжелый ИЛ, словно бы нехотя оторсался от взлетной полосы и скрылся в непроницаемом тумане. Командир стоял дотех пор, пока не смолк в небе шум самолета, а потом спустился в землянку.

Снова ветер гнал тяжелые тучи. Черемыш сел за стол и положил перед собой часы.

По той сосредоточенности, какая была в его глазах все поняли, как сильно волнуется командир за судьбу летчика.

Пропло два тягостных часа. Три раза за это время выходил майор из землянки и напряженно всматривался в низкое хмурое небо. Но все было напрасно. Чутк - в ухо не могло уловить знакомого шума.

К вечеру туман рассеялся, и звено истребителей вылетело на разведку. Когда оно возвратилось, капитан Еремеев, водивший летчиков за линию фронта, сообщил, что санаторий, где расположился штаб немецкого корпуса, разрушен, а в десяти километрах от пего, сбоку от шоссе, лежит сбитый штурмовик.

В долгом молчании выслушали летчики эти слова, а когда дверь тихо скрипнула за ушедшим Еремеевым, майор медленно встал, и все услышали его гихий голос:

- А какой храбрый был все-таки парень!

Но Яровой не погиб. Он пришел на тринадцатый день, худой, осунувшийся, с запавшими от бессонницы глазами. Ему обрадовались, как родному. Летчики бросились тормошить лейтенанта, но Яровой лишь на секунду согрел лицо теплой улыбкой, а затем опять стал сдержанным и молчаливым. Освобождаясь от объятий, оп нескладно объяснил:

- Зенитки сбили. Почти над самой целью. А штаб я все-таки зажег. Тринадцать дней скитался, пока удалось добраться. Спасибо, ягоды в лесах много... Вот видите, - он показал глазами на изодранные сапоги с отвисшими подметками.

То самое, о чем другой рассказывал бы несколько вечеров, Яровой передал в трех-четырех фразах. Но сейчас на это никто не обратил внимания. Всем стало легче от того, что молчаливый лейтенант жив и невредим. Майор Черемыш, возбужденно размахивая руками, кричал:

- Вот молодец! Ей-богу, молодец! - И вдруг пе без досады хлопнул ладонью по затянутому целлулоидом планшету: - Кого же послать на задание с пятой машиной?

- Постойте, - вдруг сказал Яровой. - А какое задание?

Черрмып сердито махнул рукой:

- Да опять эти самые Озерки, около которых тебя сбили. Километром западнее бензосклад, надо поджечь.

- Бензосклад! - воскликнул Яровой. - Это тот, что на левом берегу речушки?

- Ну да.

- А зенитки стоят правее, в мелком кустарнике.... заходить надо с юга, чтобы поменьше в зоне обстрела находиться. Там ещё можно к лощинке прижаться, я...

- А гореть-то они как будут, эти цистерны, батеньки вы мои, продолжал Яровой, - ни один фриц не затушит. Разрешите вылет.

- Он растерянно оглянулся на окруживших его летчиков, словно просил о поддержке.

Майор не выдержал и, в сердцах обругав назойливого лейтенанта, приказал идти к машине.

Когда пятерка ИЛов улетела и шум моторов смолк где-то за синеем лесом, начальник штаба, недоуменно пожав плечами, сказал командиру полка:

- Или это какой-то спортсмен, охотящийся за собственной смертью, или просто невменяемый человек. Мне упорно кажется, что в каждом полете Яровым руководит не столько ненависть к врагу, сколько летный азарт.

Черемыш нахмурился. Он сам не понимал лейтенанта, но никогда не судил о людях поспешно. Поэтому сердито возразил начальнику штаба:

- Торопись, Кондратьич! Разве можно торопиться, когда человека судишь!

Полтора часа блуждали в низком, затянутом облаками небе пять "Ильюшиных". В полном составе возвратились они на аэродром, и командир пятерки Веденеев доложил, что задание выполнено.

- Это вот Яровому спасибо, - прибавил он, закончив официальный рапорт, - если бы не он, проскочили бы гель.

Черемыш посмотрел на лейтенанта. Тот молча снимал меховые перчатки, его обветренное лицо, рассеченное на правой щеке глубокой морщиной, было, как всегда, угрюмым.

Вечером хлынул неожиданный для осени теплый проливной дождь с громом и яркими молниями, и летчики решили устроить "вечер отдыха". К потолку была подвешена ещё одна "летучая мышь", свет от неё веселыми кругами побегал по стенам и ярче осветил жилище. А когда завели патефон, монотонный шум дождя на был уже слышен.

Около одиннадцати в землянке появился Яровой.

Очевидно, после ужина он бродил где-то по лесным опушкам, потому что на голенища его сапог налипли осенние листья. Он молча сбросил мокрую шинель, прошел в самый дальний угол и сел на свою постель. На приход лейтенанта никто не обратил

внимания. Но когда молодой летчик Левушкин посмотрел в угол, он увидел, что Яровой, подперев ладонями голову, сосредоточенно рассматривает большую фотографию. Левушкин, а за ним следом и ещё двое подошли к нарам. Яровой никогда не показывал никому из нас ни своих фотографий, ни своих писем, и то, что сейчас он долго и пристально рассматривает какой-то снимок, заинтересовало всех.

- Это кто? Жена? - осторожно спросил Левушкин, не рискуя заглянуть через плечо Ярового на фотоснимок.

- Нет, сын, - тихо ответил Яровой и вздрогнул.

Все мы ожидали, что лейтенант молча уберет снимок. Возможно, так бы и случилось, если бы не настойчивый Левушкин. Взъерошив и без того лохматую голову, он нерешительно попросил:

- А можно посмотреть?

Яровой, ни слова не говоря, протянул фотографию.

С открытки глядело улыбающееся лицо двухлетнего мальчугана. Мальчик прижимал к себе плюшевого медведя. В больших глазах ребенка застыло удивление перед громадным, ещё не понятным ему миром.

- Больно хорош! - обрадованно воскликнул капитан Веденеев, очевидно, вспомнивший о своих ребятишках.

- Какой толстяк, - добродушно заметил Черемыш.

- И веселый, - прибавил кто-то третий.

- Он что у вас, в Ленинграде? - спросил Левушкин, откуда-то знавший, что Ленинград - родина Ярового.

- Был в Ленинграде, - ответил лейтенант и вдруг нервно забарабанил пальцами правой руки по коленке.

- Почему вы говорите - "был"?

Яровой притронулся к воротнику гимнастерки, но тотчас же отдернул руку.

- Потому, что его теперь нет, - ответил он тихо бесстрастным голосом, в котором не было ничего, кроме сильной усталости. - Вы помните сообщение о первом крупном налете "юнкеров" на Ленинград? Фашистская фугаска попала тогда в дом. Сын и жена... - Голос его оборвался...

Яровой поднял голову, и летчики, обступившие пары, увидели его глаза... И каждый подумал в ту минуту, что, очевидно, такими они бывают, когда Яровой идет на цель на своем ИЛе и жмет на гашетки, обрушивая на врага снаряды и бомбы...